

Мужик с грубой щетиной и начавшим расти брюшком, резко поднялся из-за стола, свалил стул и, едва об него не спотыкаясь, попятился к стене. Взгляд маленьких глаз не сходил с пугающе серьезного молодого человека в легкой черной рубаше и короткой, скроенной из кожи куртке. На мгновение мужчине показалось, что глаза незваного гостя светятся голубым, но он быстро мотнул головой, списав видение в вину отблеску единственной лампы маленькой коморки.

— А, господин Акей, что же вы не предупредили о своем приходе? Я бы Горького сварил, — сглатывая, мужчина оторвался от стены и потер меж собой маленькие, перепачканные чернилами, ладони. Нервная улыбка обнажила ряд желтоватых зубов.

— Можно сказать, ты меня не ждал, — Рий, никого не спрашивая, пододвинул к себе с виду приличный стул и, развернув его спинкой к столу, сел. Один из его верзил встал у входа в коморку, второй встал за спиной, остальные ждали на входе и никого не пускали внутрь. Сегодня лавка закроется пораньше.

— Ждал, конечно же, ждал! — Несколько раз кивнул мужик.

— Значит, тебе есть чем меня порадовать? — Рий подхватил со стола несколько желтоватых листов с неожиданно аккуратными записями. Вид блестящих букв портили грубые вкрапления песка для суши. Скорее всего, он его даже не покупал, а набрал на заднем дворе и не додумался просеять. Чего еще ожидать от просто спекулянта.

— Понимаете, господин Акей, — обладатель щетины опасливо посмотрел на громилу за спиной молодого человека. Даже через стол Рий чувствовал едкий запах его пота, видел, как нервно подрагивают губы. — Сейчас дела идут не так, как хотелось бы. Мне нужно еще немного времени.

— Немного, это сколько? — Небрежно бросив бумаги обратно на стол, Рий положил голову на спинку стула и, не моргая, посмотрел на хозяина лавки. — Киселай, я понимающий человек, человек слова, но ты постоянно меня обижаешь. Не ценишь моего мягкого нрава.

— Ценю, очень ценю, — мужчина поспешил поднять стул, получилось не с первого раза, руки дрожали. Он сел за стол и стал собирать бумаги, ища среди них нужную. — Вот! Вот оно! — Мужик ударил пальцем по ровной строчке. Всего три слова и несколько цифр. — Соль ушла в Сиф, заказчик еще не передал сумму, но как только это произойдет, я сам приду к вам со всем обещанным и подарками.

— Похвальное рвение, — вздохнув, Рий поднялся со стула и дал жест команде. Верзилы с поразительным спокойствием двинулись в сторону лавочника, а тот заверещал, словно поросся перед забоем. Удерживавший его вес стул снова пошатнулся, но устоял. Шун отвесил мужику мощную оплеуху, от которой тот заткнулся, а глаза собрались в кучу.

Двое крупных, по-настоящему сильных мужчин прижали руки должника к столу, столь крепко сжали запястья, что кончики пальцев начали белеть. Боров не сразу пришел в себя после удара по голове, но когда это случилось, принялся мотать головой, очень быстро, даже щеки зашлепали, точно кожа о кожу в самом интимном для человека действе.

— Нет, прошу, я не виноват! Я не виноват! Я могу...

— Ты мог сразу расплатиться, — прервал его Рий, чинно обойдя стол и посмотрев на Киселая сверху вниз.

— Я бы с радостью, — улыбка получилась до того натянутой, что отдавала юродивостью.

— Считаешь себя умным, думаешь, я ничего не знаю? — Из крепления на поясе, Рий медленно вынул нож, небольшой, всего с ладонь, но широкий и блестящий, хорошо заточенный. Молодой человек взглянул на подобное зеркалу лезвие и снял колпак с масляной лампы: огонек дрогнул, но устоял, скромно освещая тьму коморки. Рий подбросил ему работу, подставил лезвие, планомерно нагревая самую острую его часть. — Мы ведь все проверили, Киселай. Ты получил деньги сразу. Покупатель из Сифа оказался более достойным человеком, чем ты. Думаю, в будущем я буду работать с ним напрямую, — не отводя взгляда от лезвия, рассуждал вслух контрабандист. — Куда ты дел деньги, Киселай?

Вторая, ведущая от каморки к жилой части лавки, дверь тихо скрипнула. Рий и все остальные резко обернулись. На пороге, явно испуганный таким вниманием, застыл малец лет семи или десяти, так сразу и не понять. Чересчур щуплый. Единственный глаз мальчишки светился зеленому, а заостренные уши дрогнули. В руках малыш держал ведро воды, возможно, собирался приступить к уборке. Рий невольно взглянул на шрам левого глаза: аккуратный, не то что у того эльфа.

— Уходи, — не мягко, но и без злобы попросил Рий.

Малец перевел пустой взгляд на борова.

Рий нахмурился. Лезвие в его руках начало накаляться до красноты.

— Уходи.

Малолетний раб не двинулся с места, смотрел на хозяина лавки, удерживая на весу ведро, которое определенно весило больше, чем он сам.

— Скажи ему, чтобы ушел, — закатив глаза, Рий нарочито устало обратился к мужичку, а когда тот не шелохнулся, только слезы потекли по щекам, наклонился и прошептал. — Иначе, клянусь, я сам заклею тебя, как раба.

— Уходи, Тас, уходи, начни уборку, — Киселай на мгновение задумался, — с верхних комнат.

Эльф молча кивнул и ушел, аккуратно, не допуская хлопка, закрыв за собой дверь. Рия аж передернуло. Именно поэтому в его окружении нет эльфов, деморализованные, не знающие ничего кроме преданности и до неприятного худые, они вызывают лишь отвращение. Лучше бы их и правда истребили, все лучше, чем существование без права на нормальную жизнь. Остроухий скот.

— Что-то не припомню я у тебя этого раба, — Рий отнял лезвие у пламени, заставляя его кончик потянуться за металлом, словно ребенок за руками матери. — Вместо того чтобы расплатиться со мной, ты купил мальчишку? Лесные эльфы более дорогие, чем эльфы крови, более покладистые, а маленькие стоят целое состояние. Признавайся, Киселай.

— Нет, это подарок, — руки борова онемели, да он и не думал сопротивляться. Только плакал. Противно и жалко. — Мне его подарили.

— У тебя нет настолько богатых друзей, — Рий приложил лезвие к щеке хозяина лавки. За мгновение до отчаянного вопля, контрабандист услышал шипение плоти, но не поморщился. Только заметил, как Шун отвел взгляд. — Ладно, мне это надоело.

Рий опустил острее ножа на мизинец должника. Боров дернулся и завопил почище евнухов клира.

— Нет, умоляю, нет!

— Закройте ему рот, в ушах звенит, — нахмурился Рий, ища лезвием сустав фаланги. Кость не хотела поддаваться так просто, пришлось поковыряться, чтобы найти ее слабое место. Темная лужица крови становилась все больше, успела пропитать несколько уголков не самой дорогой, плотной бумаги и побежать уверенными каплями на пол.

Один из помощников запечатал должнику рот. Ладонь верзилы покрылась слюной, Шун скривился, но руки не отнял. Вместо криков теперь слышалось только тяжелое дыхание и приглушенные стоны. Мизинец отделился от ладони с противным треском. Глаза борова закатились, и Рий сам отвесил ему хлесткую пощечину, возвратив в реальность. Он поднял мизинец и поднес его к покрасневшим глазам должника.

— Смотри внимательно. Это аванс в счет долга, а чтобы я не пришел за остальными, тебе придется заплатить мне через три дня, — шипел Рий, вглядываясь в изуродованное болью и страхом лицо. — Три дня, Киселай. Ты меня услышал?

Боров зажмурился и кивнул.

Рий кивнул помощникам, верзилы отступили. Киселай, несмотря на свою грузную фигуру, прижав израненную руку к груди, сжался в комочек. Наклонился к собственным коленям, подвывая.

— Три дня, скажи, что ты все понял. Скажи это вслух, — звучало резко, зло, тверже, чем металл ножа в креплении на поясе. — Не слышу!

— Я понял! Я все верну, — в награду за правильные слова, Рий бросил мужчине отрезанный палец. Окровавленная колбаска ударилась о спину борова и отскочила на пол, скрывшись в одном из темных углов.

— Либо четыре мешка соли, либо деньги, меня устроят оба варианта, — впервые с момента входа в коморку, улыбнулся контрабандист.

— Именем Гиселла! — Послышалось с улицы. Рий рыкнул и многозначительно посмотрел на помощников. Ждать пришлось недолго, в коморку ворвалась женщина с огненно-рыжими волосами и мощным разворотом плеч, которые с легкостью выдерживали вес кольчуги. На крепком алом поясе девицы висел широкий, двуручный меч, с украшением в виде алого кристалла. — Что здесь происходит? — Голос у девицы с широким лицом слышался низким, приятным.

— Опять ищешь со мной встречи, Солга? — Сложив руки на груди, мягко улыбнулся Рий. — Я ведь уже говорил, что не против сводить тебя выпить.

— Для тебя рыцарь Солга, — девушка сжала рукоять меча. Металлические пластины—вставки на плотных перчатках неприятно скрежетнули. Она слишком долго смотрела на Рия, прежде чем перевела взгляд на воющего хозяина лавки. — Что ты с ним сделал?!

— А что я с ним сделал? — Изогнул бровь молодой человек и, усмехнувшись румянцу на покрытых веснушками щеках, обратился к борову. — Киселай, я что—то с тобой сделал?

— Нет, — мотнул головой хозяин лавки, так ее и не подняв.

— У нас все хорошо, правда?

— Правда, — поспешно подтвердил Киселай.

— Торговец Киселай, я рыцарь ордена Защитников, избранная Гиселлом дочь, при мне вам нечего бояться, вы можете говорить прямо, — Солга вновь посмотрела на контрабандиста: почти пылко, но быстро себя одернула.

— Господин Акей... — С трудом поднял голову боров, все еще пряча травмированную руку. По лбу и вискам мужчины струились градины пота. — Он просто зашел ко мне на чашечку Горького, а я... я поранился. Так неловко... Очень больно...

— Вот видишь, Солга, человек просто поранился, — тихо посмеялся контрабандист. — А ты сразу винишь меня во всех бедах.

Девушка поправила копну пушистых, делающих ее похожей на дикий цветок, волос и выпатила вперед пышный бюст.

— Когда-нибудь ты доиграешься! — Конечно, она не поверила спектаклю, но и без прямой жалобы сделать ничего не могла.

— Кончай бегать повсюду с этим опасным мечом, — Рий двинулся в сторону выхода, потеряв интерес ко всему произошедшему в камере. — Надень платье, научись танцевать, готовить и муж найдется быстрее, чем кажется. Обещаю сделать тебе хороший подарок на рождение первенца.

— Замолчи! — Вспыхнула девушка, едва не топнув ногой. Хватка за меч вышла естественной, привычной.

Рий с прищуром, искоса посмотрел на девушку, но не торопился бросаться новыми советами. Солга первой отвела взгляд и горделиво вышла из камеры. Звон ее кольчуги все еще стоял в ушах. Контрабандист выждал не больше десяти вдохов и последовал за ней, через магазинчик специй на улицу. Увидел, как девушка из ордена Защитников гладит по голове того самого мальчика, кажется, Таса, и уверяет, что с его хозяином, все хорошо, а он большой молодец должен и дальше его защищать. Гиселл ведь все видит.

Рий с командой направился вверх по улице. Высокие и сильные молчали, не нервничали, не задавали вопросов.

— Шун, когда вечером сможешь отойти от дыры, вернешься сюда и утопишь мальчишку.

— Раба?

— Его самого.

Остальные члены команды, кто с сочувствием, кто с понимаем, посмотрели на коллегу.

— Хорошо.